

М. П. АЛЕКСЕЕВ

Юрий Крижанич и фольклор московской иноземной слободы

Выдающийся хорватский писатель Юрий Крижанич, как известно, около пятнадцати лет провел в Сибири, сосланный туда из Москвы. Живя в Тобольске, Крижанич между 1663 и 1666 гг. написал большое сочинение энциклопедического характера, известное в настоящее время под заглавиями «Политика» или «Разговоры о владательству» (т. е. «Беседы о правлении»), в котором он подробно рассуждает и о русском государстве и о будущем славянства вообще. Одной из важнейших публицистических задач этого обширного, сложного, не до конца обработанного труда было желание автора оказать противодействие «немецкому зазору», с его «посторами и скаредными хулами». Внимательный наблюдатель политической карты современной ему Европы, один из провозвестников идеи всеславянского единства, Крижанич считал, что главными виновниками упадка славянских земель являются «немцы» (*Germanos*), «самые гордые и нетерпимые презиратели прочих народов», которые «ухватили королевскую высоту во Вуграх, Чехах, Ляхах, в Литве и инде» и одарены, по его наблюдениям, способностью «клеветать, дразнить, хулить, желчно остричь, по-змеинному шипеть».¹ Подтверждающие это общее наблюдение примеры рассыпаны по всей книге, потому что к доказательству этого излюбленного им тезиса Крижанич возвращается неоднократно и по различным поводам.

Очень красноречивыми и, как увидим ниже, имеющими особый интерес для фольклористов представляются те примеры, которые собраны Крижаничем в разделе его труда, написанном по-латыни и озаглавленном «О характере германцев» (*Articulus de Natura Germanorum*).² Здесь, между про-

¹ В. И. Пичета. Юрий Крижанич и его отношения к русскому государству. — Славянский сборник, М., 1947, стр. 207, 215—218; А. Л. Гольдберг. 1) Историческая наука о Крижаниче. — Ученые записки Ленингр. гос. ун-ва, 1949, № 117, стр. 84—119; 2) Крижанич о русском обществе XVII в. — История СССР, 1966, № 6, стр. 71—84; 3) Идея «славянского единства» в сочинениях Крижанича. — ТОДРА, т. XIX, М.—Л., 1963, стр. 373—390; М. А. Алпатов. Историческая концепция Юрия Крижанича. — Советское славяноведение, 1966, вып. 3, стр. 31—44.

² Так как этот раздел не вошел в новейшее московское издание «Политики» (Юрий Крижанич. Политика. Подготовил к печати В. В. Зеленин. Перевод и комментарии А. Л. Гольдберга. Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М., 1965; см. здесь описание рукописи этого труда, стр. 695—700), цитирую его по изданию П. А. Бессонова, первому и единственному (если не считать его переиздания в 1860 г.), в котором находится интересующий нас текст: Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен Алексея Михайловича. Открыл и издал П. Бессонов. Ч. II. М., 1859 (прилож. к № 6 «Русской беседы»), стр. 252—254 (здесь приведен латинский оригинал интересующего нас места и его русский перевод П. А. Бессонова).

чим, идет речь о различных шуточных прозвищах, которыми немцы награждают не только прочие народы, но даже своих соотечественников: «Нет у них области или народности, которую по обычаю не клеймили бы они и не дразнили какой-нибудь известною шуткою. Иных зовут *Putenträger* (*Aliquos appellant Putentrageros*), других *Kokskem* — „петушки гребешки“, как людей слишком прихотливых, для которых нет жизни без блюда, приготовленного из петушых гребешков (*quasi nimis uoluptuosos, ut qui putent se non posse uiuere sine cibo ex pectinibus gallinarum facto*). Об иных рассказывают, что они сожрали осла (*De aliis narrant, quod asinus deuorant*), другим подсмеиваются, что солнечные часы устроили под крышкою (*alios derident quod Horologium solare sub tecto fabricarint*); третьи будто бы сбежались бить одного зайца семеро, схватившись за одно копые (*quod septem uiri unam hastem tenentes ad unum leporem occidentum assurgerint*). Иных называют *Tölpel*, т. е. „пнями“ (*Alios appellant Tölpellos, id est rapices, de tali oppido*). «Таким образом, — замечает Крижанич далее, — немцы распускают вымышленные шутки, часто хулы о своих собственных братьях и за подобные ругательства горячо, даже насмерть дерутся». Он прибавляет: «Недавно видели этому пример в Москве, когда из-за прозвища *Putenträger* солдаты в немецкой слободе публично отстегали одного торговца и подняли большие тяжбы (*Sicut non pridem uisum fuit exemplum Mosquae: quando propter uocabulum Putenträger milites in Sloboda Germanica unum mercatorem publice fustibus percusserunt: et magnas lites excitarunt*)». Не удивительно, что и другим народам немцы дают самые обидные прозвища.

Не все ясно в приведенном тексте. Так, прозвище *Putenträger*, очевидно считавшееся в то время столь оскорбительным, что оно могло даже вызвать волнения в московской иноземной слободе, ныне представляется недостаточно понятным; смутило оно и первого издателя рукописи Крижанича — П. А. Бессонова, предположившего, что его не разобрал и сам автор «Политики» и что вместо *Putenträger*, может быть, следует читать *Rosentreiber* — «проказник, шут, скоморох». Идя по тому же пути этимологии, вероятнее было бы предположить, что *Putenträger* заменило первоначальное *Pupprentreiber* или *Pupprentäger*, т. е. «актер-кукольник», «кукольных дел мастер», какими являлись тогда те же бродячие скоморохи. Но указанное немецкое слово Крижанич в одинаковой форме употребляет дважды на протяжении всего лишь нескольких латинских строк; поэтому, если оно правильно прочтено в рукописи, для него следует подыскать более правдоподобное объяснение. В словарь немецкого языка бр. Гриммов занесено диалектное слово *Pute* (нижненемецк. *rûte*, англ. *rowt*), означающее то «индейский петух, индюк» (*Truthahn, Puuthahn*), то «тетерев» или «тетеря» (*Birkhahn, türkisches-welsches Huhn*); существенно, что слово *Pute* (или *Puter*) имело также значение бранной клички, приравняемой в том же словаре к оскорбительному прозвищу «гусак», т. е. «дурак», «глупая башка» (= *dumme Gans, dumme Huhn*).³ Поэтому и двусложное *Putenträger* могло означать нечто оскорбительное, что-либо вроде «индюшатника».

Загадочным представляется и другое прозвище — *Kokskem*, в котором П. А. Бессонов видит *Kokskämme* (множественное число от *Kokskamm* — «петушки гребешки»). Правда, основания для такого истолкования дает сам Крижанич, в тексте которого находится не только латинский перевод неясного слова (*pectines gallinarum*), но даже бытовое объяснение его про-

³ J. Grimm und W. Grimm. Deutsches Wörterbuch, Bd. VII. Leipzig, 1889, стр. 2279.

исхождения; непонятно только, почему у Крижанича стоит *Kokskamm*, а не привычное *Наһпеп-камт*,⁴ если первую основу данного слова мы не объясним как звукоподражательную (ср. франц. *coq* — «петух»); впрочем, от нее образованы многочисленные производные, как *Kockelmann* (от *köskeln*, *kokeln* и т. д.), совр. *Saukler*⁵ — «фигляр, фокусник, площадной шут, скоморох». Третье из воспроизведенных Крижаничем бранных слов сомнений не вызывает: *Tölpel* действительно означает «чурбан, болван, пентюх, вахлак» и возникло из средненижнемецкого *Döpre* — «деревенщина».⁶

Зато в остальных примерах, приведенных Крижаничем для доказательства будто бы особенно свойственного немцам злоречия и недружелюбия даже к единоплеменникам, нетрудно узнать эпизоды из немецких шванков, народных книг или летучих листов лубочной печати. Так, упомянутый им сатирический сказочный мотив об осле, съеденном по глупости деревенскими жителями, заменяемом иногда собакой («*Hund Hopf*»), встречается в рассказах о похождениях Тиля Эйленшпигеля («*Eulenspiegel*», сар. 47), в шванке Г. Сакса и других произведениях сатирической литературы.⁷ Анекдот о семи глупцах, испугавшихся зайца и схватившихся за одно длинное копье в тревоге, как бы не съел их этот страшный зверь, — это знаменитое приключение из цикла народных рассказов о «семерых швабах», известных уже в XV в.; рассказ о зайце имеется у Кирхофа («*Wendenmut*», 1563), в одной из «*Meisterlieder*» Ганса Сакса и т. д. Любопытно, что в этих ранних обработках швабов девять, а не семь, как впоследствии. В редакциях этого анекдотического цикла, распространявшихся после 1600 г. (например: *Eyering, Proverbium coria*, 1601—1604), число швабов устанавливается окончательно. На немецкой картинке XVII в. изображены семь храбрецов, судорожно уцепившихся за одно длинное копье; здесь они названы по именам, повторяющимся затем в стихотворной «*Historia von dem sieben frommen und redlichen Schwaben mit dem Hasen*».⁸ Ниже Крижанич рассказывает эпизод из народной книги о шильтбюргерах, нелепые причуды и дурачества которых доводят их родной город Шильду до того, что он погибает в пламени, превращаясь в кучу золы. Все эти анекдотические повестушки Крижанич слышал в устной передаче, едва ли зная об их книжном источнике. Примечательно, что они ведут нас в ту же немецкую слободу в Москве. Сообщая их, Крижанич не подозревал не только о сатирических и дидактических целях, с какими они обрабатывались в XVI—XVII вв. в стихах и прозе, но и о том, что, восходя к фольклорным источникам, они имели широкое и даже порою международное распространение. Но это и делает свидетельство Крижанича особенно интересными с исторической и литературной точек зрения.

Исследователи Крижанича всегда охотнее подчеркивали книжный характер его образования, широкую эрудицию, уважение к ученым авто-

⁴ Там же, т. IV, 2, 1877, стр. 168

⁵ Там же, т. V, 1873, стр. 1566.

⁶ O. Reinsberg-Düringsfeld. Internationale Titulaturen, Bd. I. Leipzig, 1863, стр. 97. Эта книга представляет собой занимательное собрание прозвищ, которыми народы Европы награждают друг друга; немало внимание автор уделил тому, как немцы забавляются на свой собственный счет (стр. 55—112).

⁷ J. Bolte und J. Polivka. Anmerkungen zu der Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm, Bd. I. Leipzig, 1913, стр. 112; Bd. II, Leipzig, 1915, стр. 560 («*Eselfresser*»).

⁸ J. Bolte und J. Polivka. Anmerkungen... Bd. II, стр. 556—560 (со ссылкой на издание: J. Bolte. Zwei Flugblätter von der sieben Schwaben. Zeitschrift für Volkskunde, Bd. 4, стр. 435); A. Keller. Die Schwaben in der Geschichte des Volkshumor. 1907.

ритетам, отразившиеся в его «Политике»,⁹ чем чисто житейские, реально бытовые источники этого труда, на котором явственную печать оставили также длительные и многотрудные скитания его автора по свету и встречи с людьми интересной или непривычной судьбы.¹⁰ Среди последних был, в частности, полковник Филипп фон Зейц — один из «немцев Шведской земли», сосланных в Тобольск одновременно с Крижаничем.¹¹ Это был бывалый человек, много видевший и слышавший на своем веку, беседы с которым услаждали ученого хорвата во время сибирской ссылки. На Зейца Крижанич ссылался в своей «Политике» несколько раз,¹² в частности как на то именно лицо, от которого он записал анекдоты о немцах, ходившие по московской слободе.

Особо занимательный рассказ, приписанный Крижаничем также по-латыни сбоку на полях его рукописи (в том месте, откуда уже были приведены цитаты), очевидно со слов того же Зейца, пополнил собранную им любопытную коллекцию сатирических свидетельств о немецких нравах еще одним разительным примером. «О некоторых рассказывают, — пишет Крижанич, — будто у них некогда царем был пес, т. е. якобы избиратели (*electores*) долго не могли согласиться в выборе царя и, наконец, заключили: кто первый войдет к ним, тот пусть и будет царем, кто бы он ни был, лишь бы только был живой. Вошел ловчий пес, и они его короновали царем (*et illi hunc coronarunt regem*), говоря: „Коронуем его, будет восседать на своем месте, а мы будем править“. Таким образом пес тот царствовал в течение года, сидел будто бы на привязи на престоле, кормили его царскими яствами и проч. Жителей городка ... дразнят тем, что они сожрали собаку или ногу жареной собаки: из-за этого (один рассказывал), я знаю, до 50 человек было убито; и наконец, сам город, по тому же поводу, взялся за оружие и был сожжен, как рассказывал тот же Зейц».¹³ Что касается города, сожженного его скудоумными обитателями, то, как уже указано выше, это, по-видимому, заключительные эпизоды немецкой народной книги о шильтбюргерах.¹⁴ Рассказ же о «царе-собаке» находит себе полное соответствие в знаменитой книге французского проповедника конца XV—начала XVI в. Иоганнеса Паули «Смех и дело» (*«Schimpf und Ernst»*, 1522), где пример 427-й так и озаглавлен: «Датчане имели собаку

⁹ А. Л. Гольдберг. 1) Сочинения Юрия Крижанича и их источники - Вестник истории мировой культуры, 1960, № 6, стр. 117—130; 2) Юрий Крижанич и Симон Старовольский. — *Slavia*, 1965, гошп. XXXIV, seš. 1, стр. 28—40.

¹⁰ Сергей Марков. Земной круг. Книга о землепроходцах и мореходцах. М., 1966, стр. 416—418. В интересной заметке о Крижаниче автор подчеркнул, что этот «пламенный противник Адама Олеария и разоблачитель „чужебесия“ иноземцев на Руси» знал сибирского воеводу Петра Годунова, бывалого Ульяна Ремезова, виделся с протопопом Аввакумом и т. д.

¹¹ С. А. Белокуров. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1903, стр. 197.

¹² Свидетельство того же Зейца Крижанич привел, например, в том месте своей книги, где рассказывается о снисходительном отношении немцев к палачам. См. Юрий Крижанич. Политика, стр. 545, 720.

¹³ Русское государство в половине XVII века, ч. II, стр. 253—254 (латинский оригинал и русский перевод).

¹⁴ На пути перехода некоторых рассказов о шильтбюргерах и других немецких народных книг в славянские страны, и в частности на Русь, давно уже указывалось, см.: Н. Ф. Сумцов. Разыскания в области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцах. Харьков, 1898; I. Franko. Woina żydowska. Przysizinek do studijów porównawczych nad literaturą ludową. — *Wisła*, 1892, t. VI, seš. 3, стр. 263—278. В новейшее время этому вопросу уделил несколько страниц И. Матль (*Josef Matl Europa und die Slaven*. Wiesbaden, 1964, стр. 101, 113—114), но дальнейшая его разработка на русском материале крайне желательна.

вместо короля» (Denmarker heten ein hund zû einem künig).¹⁵ Книга Паули выдержала много переизданий и переработок, долгие столетия щедро снабжая материалами последующих писателей; сам же Паули, рассказывая эту свою историю, ссылался на письменный источник («Man liszt wie die in Dennemarck nit kunten eins werden in der erweilung eines Königs...»); это указание ведет нас в средневековые скандинавские страны, где подобный рассказ встречался неоднократно в сагах, хрониках, исторических сочинениях. Саксон Грамматик в своей «Датской истории» (кн. VII, гл. 240) повествует о храбром шведе Гуннаре, ведшем кровопролитную войну с норвежцами, который в наказание непокорным поставил на севере вместо князя специально присланного им для этой цели пса.¹⁶ У Снорре Стурлусона то же рассказывается о норвежце Эйстейне (Eysteinn), который будто бы предложил покоренным им жителям Трондхема выбрать себе во властители либо своего раба, либо своего пса; последние предпочли пса, которого звали Saurг или Sорг, а холм, на котором он сидел, как на престоле, именовался Saurshaugг; ¹⁷ по шведским же версиям (в «Chronicon Erici Regis» или «Annales Lundenses» и др.) пса звали Rakki, а королем, который навязывал его датчанам, являлся Адиль.¹⁸ Все эти версии сопоставил между собой А. Крапп, указавший также на параллели у Плиния, Плутарха, Элиана и в египетских источниках, из чего он вывел заключение о мифологическом, культовом значении этого рассказа,¹⁹ превратившегося позднее в политический анекдот.

В связи с этим стоит отметить неволью возникающий в памяти и все еще недостаточно объясненный мотив одной замечательной «скоморошьей» русской былины. В этой былине о «Вавиле и скоморохах» есть эпизод, как приходят к Вавиле

Веселые люди, не простые,
Не простые люди, скоморохи,

которые направлялись

На инишьшое царство
Персигрывать царя-собаку.

Вавила идет вместе с ними в это царство «царя-собаки» и «переигрывает» его. Тогда

Загорелось инишьшое царство
И сгорело с краю и до краю.
Посадили тут Вавилушка на царство ²⁰

¹⁵ «Schimpf und Ernst» von Johannes Pauli, hrsg. von H. Oesterley, Stuttgart, 1866 (Bibliothek der Literarisch. Vereins, Bd. XXXV), стр. 257. В примечании редактор издания ссылается на сходный рассказ Плиния и книгу: J. H. Ursianus. Aeterna philologica. Francof., 1670, 2, стр. 53.

¹⁶ Saxo Grammaticus. Die ersten neun Bücher der dänischen Geschichte. Übersetzt und erläutert von H. Jantzen. Berlin, 1900, стр. 373—374; P. Hermann. Erläuterungen zu den ersten neun Büchern der dänischen Geschichte des Saxo Grammaticus, T. I. Leipzig, 1901, стр. 318—319.

¹⁷ Скандинавские саги, в которых имеется этот рассказ (Hakons saga goda, cap. 13; Olafs saga helga, cap. 148), перечислены в статье: K. Lehmann. Grabs-hügel und Königshügel in nordischer Heidenzeit. — Zeitschrift für Deutsche Philologie, Bd. XLII, 1910, стр. 8.

¹⁸ А. Н. Кгарре. The Dog King. — Scandinavian Studies, vol. 17, 1942, № 4, стр. 148—153.

¹⁹ Добавим здесь указание на римский обряд коронавания собак на празднествах в честь Дианы, на который ссылается вслед за Дж. Фрейзером В. В. Иванов, см.: В. В. Иванов. Происхождение имени Кухулина. — В кн.: Проблемы сравнительной филологии. Сб. к 70-летию В. М. Жирмунского. М.—Л., 1964, стр. 458.

²⁰ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым, т. I, М., 1904, стр. 376—381; Б. М. Соколов. О житейных и апокрифических мотивах в былинах. — Русский филологический вестник, 1916, № 3, стр. 113—118; Русское народное поэтическое творчество, т. I, М.—Л., 1953, стр. 342—343.

Необычный в русском эпосе персонаж «царя-собаки» был, с моей точки зрения, крайне неудачно истолкован как образ «царя-тирана» Ивана Грозного.²¹ Приведенные выше скандинавские исторические рассказы и обработка их у И. Паули могут служить более оправданной к ним параллелью. При дальнейшем их сопоставлении, может быть, и загадочное «инишьшее царство» получит реальное приуроченье на том скандинавском севере, о котором должны были знать и русские скоморохи; для изучения их репертуара могут пригодиться и те устные рассказы, запись которых оставил нам Юрий Крижанич.

²¹ А. А. Зими́н. Скоморохи в памятниках публицистики и народного творчества XVI в. — В сб.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XIX вв. М.—Л., 1959, стр. 342. Образ другого былинного цикла «Собаки Калина царя» сюда не относится; в специальной работе Р. О. Якобсона весьма убедительно доказывается, что это прозвание калькирует имя хана Ногай и превращает его в бранное прозвище (см.: O. Jensen. Собака Калин-царь. — *Slavia*, 1939, гош. XVII, себ. 1—2, стр. 82—98).